

ПОЭТИКА УПОДОБЛЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ

...Кому уподоблю сего праведника?..

Кирилл Туровский. Слово в неделю 3-ю по пасхе

Как уже неоднократно отмечали исследователи древнерусского искусства, одним из основных принципов средневекового художественного творчества являлся “принцип подобия” или подражания “каноническим образцам”.¹ В древнерусской иконописи принцип подобия реализовывался в системе иконописных “подлинников” (сборниках иконографических образцов), в музыке – как повторение одних и тех же мелодических образцов-“подобнов” в сочетании с разными текстами, в древнерусской литературе – в виде подражания каноническим текстам.²

В настоящей статье мы рассмотрим, как принцип подобия использовался древнерусскими агиографами – создателями житий, похвальных слов и служб русским святым. В своем творчестве большинство из них использовало один и тот же метод, который может быть назван методом *уподобления агиологическим образцам*.

§ 1. Понятие об уподоблении агиологическому образцу

Приступая к работе, древнерусский автор обычно старался найти, кому из уже известных святых *подобен* его герой, искал для него ближайший агиологический образец (или агиотип),³ *по подобию* которого и изобра-

¹ См.: R. Picchio. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw, 1973. II. Literature and Folklore* (The Hague – Paris 1973) 439–467; Т. Ф. Владышевская. Эстетические основы музыкальной культуры Киевской Руси // *Русская духовная культура* (Тренто 1992) 25–43; Г. В. Маркелов. *Святые Древней Руси. Материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинники)* II (СПб. 1998) 7–15.

² Понятие “классический”, или “канонический”, текст, предложенное Р. Пиккио (Picchio. *Op. cit.*, 441, 444), использует также Б. А. Успенский (см.: Б. А. Успенский. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)* [Мюнхен 1987] 56).

³ Слово “агиотип” (ἅγιος – ‘святой’ и ὁ τύπος – ‘образец’) используется в качестве синонима для словосочетания “агиологический образец”. *Агиотипом* является любой известный *святой*, которого писатель выбирает в качестве *образца* для изображения *другого святого*.

жал нового святого.⁴ Чаще всего таким “образцом” оказывался святой, тезоименитый прославляемому святому,⁵ или святой-“чиноначальник”, олицетворяющий общий с ним “чин” святости (например, Антоний Великий как начальник монашеского чина, Пахомий Великий как первый киновиарх, Иоанн Златоуст как образец святителя-исповедника, Димитрий Солунский как образец воина-мученика, Борис и Глеб как образцы русских святых князей и т. д.),⁶ или же кто-либо другой из святых, с которым у прославляемого святого обнаруживалось определенное *подобие*.

В древнерусской агиографии агиологический образец был понятием не категориальным (святой монах, епископ, князь, женщина и т. п.), а, если воспользоваться выражением В. Н. Топорова, “конкретно-индивидуальным”:⁷ то есть у него была своя биография, свои индивидуальные черты, наконец, свое имя (св. князь Владимир, св. мученики Борис и Глеб, преподобный Сергей Радонежский и т. д.). Совместить “индивидуальное” и “типичное” позволяло именно то обстоятельство, что агиотип являлся, так сказать, персонифицированной “моделью” святости или ее “воплощенным типом”.⁸

⁴ Подобным образом и в иконописных “подлинниках” описание иконографических образов большинства святых выполнялось с помощью уподобления их широко известным образцам, см.: Маркелов. *Указ. соч.*, 7–8.

⁵ О церковном понимании тезоименитства как духовного “сродства со святым, чье имя носишь”, о “подражании соименному святому” и о сходстве “общего пути жизни” с ним см.: П. Флоренский. *Имена* (М. 1993) 34–36.

⁶ Приведем еще несколько примеров святых, олицетворяющих в православной культуре различные “чины” святости: Иоанн Креститель как образец пустынножителя, Иоанн Богослов как образец апостола, Николай Чудотворец как образец святителя, царь Константин и царица Елена как образцы святых равноапостольных правителей, первомученик Стефан как образец святого мученика, Георгий Победоносец как образец святого мученика-воина, Мария Египетская как образец преподобной, Алексей человек Божий как образец преподобного в миру, Андрей Юродивый как образец Христа ради юродивого, “три святителя” Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст как образец “соборности” отцов и учителей церкви, князь Владимир как образец русского равноапостольного князя, Михаил и Федор Черниговские как образцы русских князей-мучеников, Феодосий Печерский и Сергей Радонежский как образцы преподобнического “чина” в Русской земле, Петр и Феврония Муромские как образец благоверной супружеской пары и т. д. (ср.: Б. А. Успенский. *Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси* [М. 2000] 11. 22. 26. 39. 42–43. 47. 81). Службы некоторых из этих “чиноначальников” были положены в основу “типовых” служб Общей Миней, которые использовались в православной церкви за богослужением для прославления любого святого, относящегося к тому или иному типу святости.

⁷ См.: В. Н. Топоров. *Святость и святые в русской духовной культуре* I (М. 1995) 667.

⁸ См.: *там же*, 744.

При создании агиографического образа нового святого агиологический образец служил *посредником*, являясь (в сознании писателя) промежуточным звеном между *святым* как “*первообразом*” и его *литературным воплощением* в агиографическом произведении. Будучи “конкретно-индивидуальной” моделью святости, агиотип как бы предлагал уже готовую “форму” для последующего литературного изображения нового святого.

Найдя соответствующий агиологический образец, писатель приступал к литературному воплощению образа своего героя, уподобляя его избранному агиотипу. Уподобление могло осуществляться двумя способами: 1) прямо – с помощью *сравнения*, развернутого сопоставления (*синкрисиса*) или приема перенесения имени (*translatio nominis*),⁹ и 2) имплицитно – с помощью приема скрытого *замещения* агиотипа соответствующим персонажем-“подобием” во вновь создаваемом агиографическом произведении, которое строилось по образцу хорошо известного канонического текста, посвященного агиотипу.¹⁰

Древнерусские писатели чаще использовали второй (невербальный) способ скрытого замещения. Они не просто избирали близкий герою агиологический образец, но и заимствовали – в качестве *исходного текста* – некоторый посвященный ему канонический текст, в котором последовательно замещали агиотип образом уподобленного ему русского святого (при этом чаще всего *не называя* имени избранного ими агиотипа).

Используя уже готовый текст-образец в качестве своеобразной матрицы для своего сочинения, писатель замещал в нем и образы второстепенных персонажей их новыми *подобиями*. Таким образом, уподобление героя агиотипу дополнялось в создаваемом новом тексте системой частных подобий. Так поступил, например, Епифаний Премудрый, автор Жития Стефана Пермского. Создавая житие пермского святителя, он избрал в качестве агиотипа для него образ Авраамия Затворника, а в качестве связанного с агиотипом текста-образца – “Повесть

⁹ О сравнении и синкрисисе в древнерусской литературе см.: Д. С. Лихачев. *Поэтика древнерусской литературы* (М. 1979) 176–184; G. Sturm. Zum Vergleich bei der Menschendarstellung in der altrussischen Literatur // *Zeitschrift für Slavistik* 18 (1973): 2, 244–250; Д. Фрайданк. Литературный прием синкрисиса в трех древних славянских текстах // *Исследования по древней и новой литературе* (Л. 1987) 224–228; К. Д. Зеemann. Прием аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // *ТОДРЛ* 48 (СПб. 1993) 105–120 (особенно 108–110).

¹⁰ Как правило, агиотип существует в сознании древнерусского писателя в единстве с посвященным ему “каноническим текстом” и иконным изображением.

о святом Авраамии” Ефрема Сирина.¹¹ Как показал Н. И. Соболев, следуя композиции исходного текста-образца, Епифаний Премудрый избразил жизнь святителя Стефана среди язычников-зырян в прямом соответствии с событийной канвой жизни его агиологического образца – преподобного Авраамия Затворника из Эдессы.

Подобным образом и авторы целого ряда гимнографических сочинений, посвященных прославлению святых основателей монастырей (Павла Обнорского, Дмитрия Прилуцкого, Евфимия Суздальского, Григория Пелшемского и других), избрали для них в качестве агиологического образца образ Сергия Радонежского – “начальника и учителя всем монастырем, иже в Руси”.¹²

§ 2. Тема “уподобления” в святоотеческой письменности (краткий экскурс)

Уподобление одного святого другому является не только одним из основных принципов агиографического творчества, но и отражает некоторые фундаментальные принципы духовной жизни вообще. Согласно учению Церкви, человек, созданный “по образу и подобию Божию” (*Быт* 1: 26) и утративший “подобие” при грехопадении, призван вновь “уподобиться” Богу. Как говорит об этом Дионисий Ареопагит, “Бог как таковой ничему не подобен, но Он дарует Божье подобие обращающимся к Нему, чтобы они по мере сил подражали Сущему выше всякого предела и слова. <...> Таковое и следует называть подобным Богу и сущим ‘по божественному образу и подобию’”.¹³ Как поясняет эти слова Максим Исповедник, “подражание, о котором здесь идет речь, можно понять как обращение к Богу мыслящей и разумной природы, в соответствии со сказанным: ‘*Будьте совершенны*’ (*Мф* 5: 48) и ‘*будьте милосерды, как и Отец ваш небесный*’ (*Лк* 6: 36), что по-настоящему <...> свойственно Богу, а тварям – по мере сил и соответственно их природе”.¹⁴ Так же и св. Иоанн Синайский говорит в 30-м

¹¹ См.: Н. И. Соболев. К вопросу о литературных источниках Жития Стефана Пермского // *ТОДРЛ* 52 (СПб. 2001) 537–543.

¹² См.: Ф. Г. Спасский. *Русское литургическое творчество (по современным минеям)* (Париж 1951) 189–195.

¹³ Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Дионисий Ареопагит. *О божественных именах. О мистическом богословии*: Тексты. Пер. с древнегреч. (СПб. 1994) 283–285. По словам Дионисия Ареопагита, Бог является “субстанцией подобных и подобия”, и в то же время он “Неподобный всем, потому что нет Ему подобного” (*там же*, 273).

¹⁴ *Там же*, 283–285.

слове “Лествицы” о том, что “любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть...”.¹⁵

Достичь в своей жизни уподобления Богу в совершенстве, милосердии и любви, как было сказано в приведенных выше речениях Иоанна Лествичника и Максима Исповедника, человек может только “по мере сил” и “соответственно своей природе”. Иначе говоря, возможно лишь слабое и несходное уподобление человека Творцу, ибо, по словам Дионисия Ареопагита, подобными могут быть только “учиненные одинаково” (ὁμοταγεῖς), т. е. “принадлежащие одному и тому же чину и обладающие одной сущностью”.¹⁶ Поэтому и человек может достичь святости прежде всего через уподобление совершенному человеку, точнее – Христу, ставшему для этого человеком, или одному из Его святых, в которых запечатлен “лик Христов”.¹⁷ Из сказанного становится понятным, сколь важное значение имел для подвижника в реальной жизни избранный им для подражания “образец”. Подражая тому или иному “образцу” – чаще всего своему наставнику,¹⁸ или тезоименитому святому,¹⁹ или житиям святых, подвижник невольно уподоблялся духовному типу избранного им “образца”.²⁰ Именно об этом – об уподоблении святым через подражание их житиям говорится в известном “Послании Василия Великого к Григорию Богослову об иноческом устроении”: “...как живописцы, когда пишут картину с картины, часто всматриваясь в подлинник, стараются черты его перенести в свое произведение, так и возревновавший о том, чтобы соделаться совершенным во всех частях добродетели, должен при всяком случае всматриваться в жития святых, как бы в движущиеся и действующие какие изваяния, и что в них доброго, то чрез подражание делать своим...”.²¹

¹⁵ Лествица Иоанна игумена Синайской горы (Сергиева лавра 1898) 246.

¹⁶ Дионисий Ареопагит. *О божественных именах*, 283–285.

¹⁷ С “уподоблением” человека Христу, с восстановлением в нем “подобия Божия” связана, по-видимому, и внутренняя форма церковнославянского слова “пре-подобный” (ὁσιος).

¹⁸ Ср.: “Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их” (Евр 13: 7–8).

¹⁹ О “следовании” путем тезоименитого святого см. упомянутый очерк по “ономатологии” о Павла Флоренского (см. прим. 5), а также ряд ценных замечаний в книге В. Н. Топорова (указ. соч., 799).

²⁰ В агиографическом произведении “уподобление агиотипу” осуществлял автор жития, который представляет святого сразу во всей целостности его духовной структуры, “изоморфной” духовной структуре избранного им “агиологического образца”.

²¹ Василий Великий. Письмо к Григорию Богослову // *Творения иже во святых отца нашего Василия Великого*. Ч. 6 (М. 1892) 11–12.

Пожалуй, приведенной цитатой мы можем ограничить этот краткий экскурс в область святоотеческого наследия, поскольку вовсе не богословский аспект темы “подражания / уподобления” является предметом настоящей статьи. В ней нас прежде всего интересует *поэтика* уподоблений и, в частности, те признаки, которые древнерусские авторы использовали, уподобляя прославляемых ими святых их агиологическим образцам. Тем не менее в этом кратком экскурсе нам важно было показать, что литературный метод уподобления агиологическим образцам несомненно отражает многовековой духовный опыт христианской антропологии.

§ 3. Уподобление “библейскому образцу”

Древнерусский писатель, как правило, стремился найти для своего героя не только его ближайший агиологический образец, но и соответствующий *библейский тип*, которому он также вербально уподоблял прославляемого им святого. Уподобление такого рода вовсе не превращало образ русского святого в слабую тень библейского образца, но служило особым способом изображения его *агиологического портрета*, как бы изначально заданного в замысле Творца. Уподобление “библейскому образцу” должно было свидетельствовать о том, что, пребывая в историческом времени, святой осуществил свое призвание, воплотил заложенный в нем архетип, *прообразованный* – в перспективе Священной истории – определенным библейским “типом”.

Используя уподобление библейскому образцу, агиограф как бы вводил своего героя в контекст Священной истории, в пространство, взятое *sub specie aeternitatis*, помещая его в единый агиологический ряд с подобными ему святыми, первым из которых оказывался библейский прототип. Уподобление библейскому образцу служило, таким образом, своеобразным ключом к пониманию агиологической сущности святого.

Библейскую “типологию” использовали многие древнерусские авторы (митрополит Иларий, Нестор, Епифаний Премудрый и др.), которые существенно расширяли систему “типологических” соответствий, включая в нее события и лица отечественной истории. Великий князь Владимир представлялся под их пером “новым царем Давидом”, а история о невинно убитых князьях Борисе и Глебе соотносилась с библейским рассказом об убийстве Авеля.²² Создатели житий русских преподобных чаще всего использовали ветхозаветные “типы”

²² См.: Б. А. Успенский. *Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси* (М. 2000) 23–41.

Авраама, Моисея и пророка Илии, с давних пор служившие прообразами христианского монашества.²³

*§ 4. Характеристика признаков, использовавшихся
древнерусскими авторами для уподобления русских святых
их агиологическим образцам*

Для классификации признаков, использовавшихся для уподобления русских святых их агиологическим образцам, мы избрали литературное наследие одного из крупнейших русских писателей XVII в. – священноинкока Соловецкого монастыря Сергия Шелонина, который наиболее охотно использовал при создании своих произведений метод “уподобления” агиологическим образцам.²⁴ В 40–60-е гг. XVII в. им был написан целый ряд житий и служб, посвященных прославлению русских святых (митрополита Филиппа, Германа Соловецкого, Иоанна и Лонгина Яренгских и т. д.), а также два отдельных произведения – *Похвальное слово* и *Канон*, посвященные прославлению собора всех русских святых.²⁵ При создании всех указанных сочинений соловецкий писатель неизменно применял метод уподобления агиологическим образцам, но с особой виртуозностью он использовал его в “Похвальном слове русским преподобным”. Взяв за основу известный канонический текст – “Похвальное слово преподобным отцам” Григория Цамблака, посвященное древним подвижникам Египта, Синая и Палестины, соловецкий писатель нашел в нем агиологические образцы более чем для 80 русских святых, которые и использовал в своем сочинении. Для уподобления русских подвижников преподобным отцам Востока он использовал следующие признаки:

1) *тождество имен*: по признаку тезоименитства Антоний Печерский уподоблен Антонию Великому, Максим Грек – Максиму Испо-

²³ О библейских “типах” Авраама, Моисея и Илии см.: D. C. Alisson, Jr. *The New Moses. A Matthean Typology* (Minneapolis 1993) 114–118; É. Poirot. *Élie, arhétipe du moine. Pour un ressourcement prophétique de la vie monastique* (Abbaye de Bellefontaine 1995); В. М. Лурье. *Призвание Авраама: Идея монашества и ее воплощение в Египте* (СПб. 2000) 12–13. 57. 61–63. 78 и др.

²⁴ О соловецком писателе Сергии Шелонине см.: Л. А. Дмитриев, О. С. Сапожникова, О. В. Чумичева. *Сергий (Шелонин) // Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3 (СПб. 1998) 343–351.

²⁵ См.: О. В. Панченко. Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. “Похвальное слово русским преподобным” – сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // *ТОДРЛ* 53 (СПб. 2003) 547–592.

веднику и т. д. (при этом само имя святого нередко служило в агиографическом произведении ключом к пониманию его духовного делания и духовной предназначенности);²⁶

2) *сходство по типу аскезы*: по этому признаку пещерник Исаакий Печерский уподоблен египетскому пещернику Павлу Фивейскому, столпник Савва Вишерский – Симеону Столпнику, а соловецкий исихаст Савватий – египетскому исихасту Арсению Великому;

3) *сходство духовного дара*: благодаря дару покаянных слез Феофил Печерский уподоблен Ефрему Сирину, а киево-печерский целитель Алимпий – скитскому помазателю Даниилу;

4) *равная духовная и историческая значимость подвига*: по этому признаку основатель первого общежительного монастыря в Русской земле Феодосий Печерский уподоблен палестинскому киновиарху Феодосию Великому;

5) *сочетание в жизни обоих святых различных путей святости* (например, преподобнического и мученического): по этому признаку печерский преподобномученик Евстратий, распятый хозяином-иудеем на кресте в день Святой Пасхи, уподоблен палестинскому преподобному и исповеднику Харитону;

6) *сходные обстоятельства жизни*: так, например, в “Похвальном слове русским преподобным” агиотипом для Павла Обнорского, который жил в дупле старой липы и делил пищу с лесными зверьми, послужил отшельник Иоанникий, также “живший на горе Олимп *со зверьми*”; а в “Каноне всем русским святым” для того же Павла Обнорского был избран другой, хотя и столь же близкий, образец – Герасим Иорданский, “ему же поработа звѣрь”;

7) *сходные сюжетные мотивы чудес*: так, например, мотив “чудесного перенесения в Иерусалим” служит основанием для уподобления Иоанна Новгородского синайскому игумену Георгию Арселайту; а мотив “чудесного пересечения морской пучины” использован для уподобления новгородского святого Антония, по прозванию Римлянин, преподобному Мартиниану Кесарийскому (причем один

²⁶ Об особом внимании древнерусских авторов к этимологическому значению имени см.: Н. Keipert. Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts // *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986*. Hrsg. von V. Panzer (Heidelberg 1988) 100–132; Н. Ф. Дробленкова. К поэтике имен в древнерусской литературе // *Исследования по древней и новой литературе* (Л. 1987) 73–80; Е. К. Ромодановская. К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе // *ТОДРЛ* 51 (СПб. 1999) 3–8.

из них преодолевает пучину верхом на камне, а другой – на спинах дельфинов);

8) *сходство по социальному происхождению*: по этому признаку, например, князь-инок Никола Святоша уподоблен синайскому святому Исидору, также происходившему из княжеского рода;

9) *некий общий портретный признак*: например, на основании общего портретного признака (“малый ростом, но высокий духом”) Дионисий Глушицкий уподоблен египетскому подвижнику Иоанну Колову, прозванному за свой малый рост Коротким;

10) *уподобление “двоицы” святых другой “святой паре” по признаку “парности”* (или “троицы” святых другой “троице” по признаку “троичности”): по этому признаку “святая двоица” Стефан Махрицкий и Афанасий Высоцкий уподоблены другой “святой паре” – Евфрату и Венедикту,²⁷ а три московских святителя Петр, Алексей и Иона – “собору трех святителей”: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту;

11) *уподобление по признаку духовно-топографическому* – в тех случаях, когда уподобляются прежде всего *святые места* (например, Соловецкий остров и Афон; пустынные места Заволжья и Скитская пустыня), а затем – и подвизавшиеся в этих местах святые: на основании этого признака Зосима Соловецкий уподоблен Афанасию Афонскому, а святые Заволжья (“Северной Фиваиды”) – отшельникам Келлий и Скита.²⁸

О. В. Панченко

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)

Der Verf. untersucht eine der grundlegenden Methoden in der altrussischen Hagiographie, deren Wesen darin besteht, dass der Autor einer Vita, eines Lobliedes oder einer Liturgie bei der Darstellung eines jeden neuen Heiligen für gewöhnlich versuchte, ein diesem entsprechendes “hagiologisches Modell” unter den großen

²⁷ О святых “двоицах” см.: П. Флоренский. *Столы и утверждение истины* (М. 1914) 427–428; Топоров (см. прим. 7) 762, а также главу “Святая двоичность” в кн.: Макарий (Веретенников), архимандрит. *Русская святость в истории, иконе и словесности: Очерки русской агиологии* (М. 1998) 62–72.

²⁸ Тема подobia и уподобления, рассмотренная в настоящей статье (наряду с другой темой – “преподobia”, оставленной за рамками этого исследования), явля-

Glaubensbekennern der Vergangenheit zu finden, um den zu preisenden Heiligen in *Analogie zu diesem* darzustellen.

So wie es im Bewusstsein der altrussischen Autoren verankert war, existierte das *hagiologische Modell* nicht als kategorialer (heiliger Mönch, Bischof, Fürst, Frau o. ä.), sondern als konkret-individueller Begriff (es besaß konkrete Namen wie z. B. Sergij Radonežskij, Fürst Vladimir usw.) und kann deshalb als “personifiziertes Modell” der Heiligkeit betrachtet werden. Meist wurden solche Heiligen zu hagiologischen Modellen, die sehr bekannt waren und den Namen des zu Verherrlichenden trugen oder einen gemeinsamen Typ von Heiligkeit verkörperten (für einen Fürsten – die heiligen Märtyrer Boris und Gleb, für ehrwürdige Geistliche – Feodosij Pečerskij, für Bischöfe – Johannes Chrysostomus [Ioann Zlatoust] usw.), oder Heilige, die mit dem zu preisenden Heiligen eine gewisse “Analogie” aufwiesen. Weiterhin werden Merkmale betrachtet, die von altrussischen Autoren für solche Analogien benutzt wurden, wie die Übereinstimmung der Namen, die Ähnlichkeit des geistigen Verdienstes, die Vergleichbarkeit bestimmter porträthafter Züge oder die Entsprechung der vollbrachten Wunder usw.

Im Bewusstsein des altrussischen Autors existierte ein hagiologisches Modell in der Regel als Einheit mit dem ihm gewidmeten literarischen Text und der ikonographischen Darstellung. Mit der Wahl eines bestimmten hagiologischen Modells ging deshalb gewöhnlich die Entlehnung der mit diesem verbundenen literarischen Form einher. Indem der altrussische Autor ein seinem Helden nahestehendes Modell wählte, benutzte er in der Regel auch den diesem gewidmeten literarischen Text als eine besondere “Matrize” für die Erstellung des eigenen Textes.

Im Beitrag wird das Verhältnis zwischen der literarischen Methode der Angleichung an hagiologische Modelle und der geistigen Erfahrung aus der christlichen Anthropologie untersucht: Es werden eine Reihe von Aussagen östlicher Kirchenväter (Basilius der Grosse, Dionysios der Areopagite, Johannes Klimax, Maximus Confessor) angeführt, die dem Thema der “Angleichung” gelten. Außerdem wird der innere Zusammenhang zwischen dem Prinzip der literarischen *Angleichung* und demjenigen der *Nachahmung* (des geistigen Lehrers, des gleichnamigen Heiligen oder der Heiligenviten) im realen Leben verfolgt.

лась предметом неоднократных обсуждений с А. К. Гавриловым, который на протяжении многих лет является для автора живым источником любви к филологическому познанию. На суд своего учителя автор и приносит это скромное исследование.